

ПАОЛО ГАРБАРИНО

профессор Университета
Восточного Пьемонта
(Верчелли, Италия)

КРИТИЧЕСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О НИЧТОЖНОСТИ НЕЗАКОННЫХ СДЕЛОК С КУЛЬТУРНЫМИ ЦЕННОСТЯМИ В ИТАЛИИ*

Настоящая статья является переводом с итальянского работы проф. Паоло Гарбарино. В свете последних изменений положений ГК РФ о недействительности сделок статья представляет для российского читателя особую актуальность: в ней анализируются принципиальные вопросы теории ничтожности юридических актов, в частности критически оценивается как непродуманная устоявшаяся позиция итальянской судебной практики, согласно которой недействительность незаконных сделок с культурными ценностями рассматривается как «относительная ничтожность», на которую может ссылаться исключительно государство. Убедительно показано, что подобное ограничение круга заинтересованных в иске о ничтожности лиц не только формально противоречит легальному определению ничтожности в итальянском ГК, но и по существу является искусственным и не отвечающим реальным социальным потребностям.

Ключевые слова: культурные ценности, итальянское право, сделки, недействительность сделок, ничтожность сделок, относительная ничтожность

Посвящается светлой памяти моего скоропостижно скончавшегося друга профессора Вальтера Сантагаты, первопроходца и выдающегося исследователя экономики искусства в Италии: многочисленные беседы, которые мне выпала честь вести с ним, побудили меня заняться правом культурных ценностей; немало наблюдений и размышлений, родившихся в тех столь чарующих и плодотворных для меня диалогах, также и среди строк этой работы.

* Автор выражает благодарность проф. Даниилу Тузову за ценные консультации и перевод данной работы на русский язык.

PAOLO GARBARINO

Professor at the University of
Eastern Piedmont Amedeo
Avogadro (Vercelly, Italy)

CRITICAL THOUGHTS ON THE INVALIDITY OF ILLEGAL DEALS ON CULTURAL PROPERTY IN ITALY

This publication is the translation of an essay by Prof. Paolo Garbarino on the problems of the invalidity of deals on cultural property effected in contradiction to public order in the Italian law. In terms of the recently amended provisions of the Russian Civil Code on the invalidity of deals the article becomes of particular interest for a Russian reader since it touches upon essential issues of the doctrine of the invalidity of legal acts. In particular, the author critically regards as ill-conceived the position taken by the Italian courts considering the invalidity of illegal deals as “relative” so no one but the state can refer to it. The author definitely proves that such restriction both contradicts to the legal definition of invalidity given by the Italian Civil Code and, being synthetic, does not meet the social demand.

Keywords: cultural property, Italian law, transactions, invalidity of transactions, insignificance of transactions, relative invalidity

1. Вводные замечания

Нетрудно догадаться, что охрана культурных ценностей, как движимых, так и недвижимых, является целью, которую итальянский правопорядок поставил перед собой давно. Италия — страна, обладающая, вероятно, самой большой в мире долей культурных и художественных ценностей, и собственно для противодействия разного рода разрушениям и утрате последних в отношении

таких ценностей, независимо от их принадлежности частным лицам или публичным образованиям, было постепенно введено, начиная уже непосредственно после произошедшего в 1861 г. объединения страны, все более ограничительное правовое регулирование. Здесь не представляется возможным исторически проследить различные эпизоды этого регулирования (которое, впрочем, особенно до конца Второй мировой войны, лишь частично воспрепятствовало утрате немалого

количества предметов искусства, в частности их вывозу за границу), а также детально осветить во всех его аспектах действующее законодательство в сфере охраны культурных ценностей. Мне хотелось бы сосредоточить внимание лишь на одном специфическом, но, на мой взгляд, определяющем аспекте законодательства в области культурных ценностей, а именно на установлении ничтожности любых сделок и иных юридических актов, совершенных в нарушение содержащихся в охранительных предписаниях запретов или без соблюдения предусмотренных ими «условий и форм». Чтобы лучше понять реальное значение такого установления, необходимо, однако, описать (хотя бы всего лишь в общих чертах и лишь в той мере, в какой это нас здесь интересует) указанное охранительное нормативное регулирование также и в некоторых его исторических чертах. Следующий параграф я посвящу этому описанию, с тем чтобы затем перейти к вопросу о природе, сфере действия и возможных границах указанной ничтожности, предлагая также некоторые критические замечания в адрес толкования, данного по этому вопросу устоявшейся и неизменной судебной практикой.

2. Исторические корни и общая характеристика нормативного регулирования в сфере охраны культурных ценностей

Действующие в данной области нормы содержатся в *Кодексе о культурных ценностях и пейзаже* от 22.01.2004 № 42 (далее — *Кодекс*), являющемся законодательным декретом¹. *Кодекс* прошел длительную подготовку, начиная с периода непосредственно после Второй мировой войны, и, несомненно, его заслуга состоит в том, что он вызвал значительный прогресс в повышении качества защиты культурных ценностей, понимаемых в самом широком смысле, в перспективе конкретной и всемерной реализации ст. 9 итальянской Конституции, провозглашающей: «*Республика способствует развитию культуры, научных исследований и техники, охраняет пейзаж, историческое и художественное наследие Нации*», и ввел, например, понятие «валоризация»²

¹ То есть имеющим силу закона нормативным актом, изданным правительством на основании делегирования ему этого полномочия парламентом.

² Пункт 1 ст. 6 *Кодекса*: «Валоризация состоит в выполнении функций и в регулировании деятельности, направленной на поощрение знаний о культурном наследии и обеспече-

культурных ценностей наряду с простой их охраной и в дополнение к ней.

Следует, однако, сказать, что в части общего нормативного механизма, действующего в отношении объектов, представляющих художественный интерес в узком смысле (ибо понятие культурной ценности является более недавним и, безусловно, более обширным), *Кодекс* достаточно близко (иногда дословно) придерживается нормативных решений, принятых еще в эпоху фашизма в Законе от 01.06.1939 № 1089 (далее — Закон 1939 г., Закон), который, по словам многих авторов, ввел передовые для той эпохи нормы. Этот Закон оставался в силе долгое время также и после краха фашизма, хотя и с различными последующими изменениями и дополнениями, и был отменен лишь в 1999 г. законодательным декретом от 29.10.1999 № 490 (известным как *Свод законодательных положений в области культурных и природных ценностей*), которому, однако, суждено было всего лишь через несколько лет уступить место ранее упомянутому *Кодексу* 2004 г.

Среди норм, содержащихся в Законе 1939 г. и затем воспринятых *Кодексом*, есть одна, относящаяся к санкционному аппарату: последняя глава Закона 1939 г., озаглавленная «Санкции», содержит не только статьи, предусматривающие санкции уголовного или административного характера против нарушителей различных его предписаний, но также — в ст. 61 — чисто цивилистическую меру, устанавливающую, что отчуждения, соглашения и вообще юридические акты, совершенные в нарушение предписаний Закона, абсолютно ничтожны. Эта норма была воспроизведена почти в точности в ст. 164 ныне действующего *Кодекса*:

«Статья 164. Нарушения [настоящего Закона, содержащиеся] в юридических актах.

1. Отчуждения, соглашения и вообще юридические акты, совершенные в нарушение запретов, установленных положениями Титула I Второй части, или без соблюдения предписанных ими условий и форм, ничтожны.

ние наилучших условий эксплуатации и общественного пользования этим наследием, с целью стимулирования развития культуры. Она включает также поощрение и поддержку мер по сохранению культурного наследия».

2. За Министерством сохраняется право осуществить преимущественное право в соответствии с пунктом 2 статьи 61».

Происхождение данной статьи от упомянутой выше ст. 61 Закона 1939 г. обуславливает необходимость сказать, пусть и в самых общих чертах, о толковании, которое последняя получила в судебной практике и доктрине, ибо, следуя основной линии преемственности, оно осталось почти неизменным (причем, как представляется, отсутствуют даже признаки какой-либо перемены) также и после принятия в 2004 г. *Кодекса*.

Итак, обратимся к Закону 1939 г. В целях охраны культурных ценностей он наметил систему защиты, предусматривавшую обязанности как для публичных администраторов, компетентных в сфере культурных ценностей (по Закону 1939 г. — «предметов, представляющих художественный и исторический интерес»)³, так и для частных лиц, являвшихся их собственниками или владельцами. Что касается этих частных лиц, необходимо уточнить, что они были обязаны соблюдать предусмотренные Законом ограничительные нормы в том случае, если компетентное министерство⁴ сделало их имуществом объектом «нотификации», рассматривая его как «представляющее особо значимый интерес» (п. 1 ст. 3 и ст. 30 Закона 1939 г.). Конкретнее: наиболее важными для частных лиц были предписания, содержащиеся во Втором разделе Закона, озаглавленном «Об имуществе, принадлежащем частным лицам», который в ст. 30 и последующих устанавливал режим строгого контроля распорядительных актов в отношении культурных ценностей. В частности, ст. 30 предписывала собственнику, как и всякому иному обладателю на каком-либо право-

вом основании ставшей объектом нотификации вещи, заявлять компетентным органам (инспекциям по надзору в сфере культурных ценностей⁵, которые тогда, как и сегодня, представляли Министерство на местном уровне) о любом акте, как возмездном, так и безвозмездном, направленном на полный или частичный перенос права собственности на вещь или всего лишь ее держания. В свою очередь, ст. 31 для случаев возмездного отчуждения вводила в пользу государства преимущественное право приобретения, осуществимое в течение двух месяцев со дня упомянутого заявления (п. 1 ст. 32) и по цене, установленной актом об отчуждении; до истечения этого срока договор считался заключенным под отлагательным условием неосуществления⁶ указанного преимущественного права (п. 2 ст. 32). Как вскоре увидим, установленные таким образом обязанности для частных лиц остались, в сущности, неизменными и в новом законодательстве, представленном *Кодексом*.

Предписание ст. 61 Закона 1939 г. о ничтожности, которое мы вполне можем охарактеризовать как имеющее цивилистический характер, содержится, как было сказано, в главе VII, полностью посвященной санкциям. Заманчиво предположить, что в этом сказались определенное влияние категорий, разработанных начиная еще со времен римского права: в эпоху фашизма, по причинам явно выраженного идеологического характера, имело место особое подчеркнуто почтительное отношение к античной римской культуре, а потому и к римскому праву, изучение которого в университетах того времени переживало подъем. Так вот, одной из классификаций римских законов, весьма дискутируемой, но издавна общеупотребительной в романистической науке, является их деление на *leges imperfectae, minus quam perfectae* и *perfectae* («законы несовершенные», «менее чем совершенные» и «совершенные»). Эта классификация стремится отразить предполагаемую историю отношений между законом, понимаемым как мера, исходящая от публичной власти, и *ius civile* (гражданским правом), понимаемым как право, возникшее из обычаев и интерпретаций римских юристов, без какого-либо властного вмешательства, т.е. как раз без вмешательства закона. Согласно господствовавшей долгое время исторической

³ Действительно, понятие «культурные ценности» достаточно недавнее и освящено как названием *Кодекса* 2004 г. («*Кодекс о культурных ценностях и пейзаже*»), так и в самом *Кодексе*, ст. 2 которого в п. 1 устанавливает, что «культурное наследие составляют культурные ценности и пейзажные ценности», и затем идет далее, определяя в п. 2 «культурные ценности» как «недвижимые и движимые вещи, которые согласно статьям 10 и 11 представляют художественный, исторический, археологический, этноантропологический, архивный и библиографический интерес, а также иные вещи, определенные в законе или на основе закона как памятники, имеющие цивилизационное значение».

⁴ Тогда это было министерство народного просвещения; в настоящее время соответствующие функции выполняет Министерство культурных ценностей. Далее по тексту — Министерство.

⁵ «*Sovraintendenze*» — технический термин, обозначающий специальные государственные органы, осуществляющие надзор именно в сфере культурных ценностей. Далее по тексту — Инспекции.

⁶ В тексте Закона буквально сказано «осуществления».

реконструкции изначально публичный закон не мог отменять норм гражданского права, так что в отношениях между гражданским правом и публичным законом допускались лишь «несовершенные» законы, запрещавшие тот или иной акт, дозволенный по гражданскому праву, но не предусматривавшие ни наказания для нарушителя, ни ничтожности акта; лишь «совершенные» законы, получившие признание позднее, полностью отменяли соответствующие нормы гражданского права, поскольку запрещали определенный акт (дозволенный по гражданскому праву) и, если акт был совершен в нарушение установленного законом запрета, предусматривали его ничтожность; «менее чем совершенные» законы соответствовали некоторой промежуточной фазе, когда запрет был санкционирован денежным штрафом, но акт сохранял свою юридическую силу с точки зрения гражданского права. Нельзя умолчать о том, что эта реконструкция, которую я постарался изобразить лишь в общих чертах и с некоторыми неизбежными упрощениями, ныне подвергается обширной критике. Я упомянул здесь о ней только потому, что в тот исторический момент, когда был разработан и принят Закон 1939 г., названное трехчленное деление пользовалось достаточно широким признанием в романистической доктрине. В любом случае, установление наряду с уголовными санкциями также и ничтожности должно было как будто означать, что законодатель имел в виду придать разного рода ограничениям, предписанным Законом 1939 г., как можно большую полноту, так чтобы не оставить никакого места махинациям, не только открыто противоречащим закону, но и всего лишь не соответствующим предусмотренным в нем процедурам, не говоря уже о совершенных в обход его. С этой точки зрения можно также вспомнить о не римском, но восходящем к Средневековью понятии *lex plus quam perfecta* («более чем совершенного закона»), т.е. закона, предусматривающего одновременно и санкцию ничтожности, и штрафную санкцию.

Цель охраны культурных ценностей, как публичных, так и частных, оправдывала поэтому самое строгое применение ограничительного правового регулирования, которое в том, что касается имущества частных лиц, с некоторым недоверием относилось к распорядительным актам, эвентуально совершенным последними, и, без сомнения, давало государству привилегию вмешательства, в том числе в качестве возможного приобретателя попавшего на рынок имущества с помощью института преимущественного права, всегда за ним признававшегося.

Дело в том, что вышеназванная санкционная мера ничтожности была подвергнута судебной практикой, а вслед за ней и частью доктрины весьма ограничительному толкованию: было признано, что она установлена единственно в интересах государства, так что только государство через свои органы, отвечающие за управление культурными ценностями, может ссылаться на нее в суде. В качестве примера можно обратиться к максиме⁷ Кассационного суда⁸ от 26.04.1991 № 4559, которая удачно резюмирует устоявшуюся позицию судебной практики по данному вопросу:

«Ничтожность, предусмотренная ст. 61 Закона 1939 г. № 1089 для актов, совершенных в нарушение предписаний этого Закона, установлена в интересах только государства, и на нее, следовательно, нельзя ссылаться в отношениях между частными субъектами. Действительно, речь идет об институте, который был введен для достижения цели, свойственной именно государству как хранителю исторического и художественного наследия общества и носителю компетенции в сфере его охраны; ему остаются, следовательно, совершенно чуждыми те другие и отличные интересы, присущие единственно отношениям между отдельными частными субъектами и вовсе не способные воздействовать на вышеуказанные государственные интересы».

Констатируя, что даже после вступления в силу Кодекса симптомы какой-либо корректировки курса со стороны судебной практики, как мне представляется, отсутствуют⁹, можно заметить следующее:

⁷ Официальное резюме решений высших судебных инстанций, подготовленное их специальным отделом — максимумом и в сжатой форме выражающее их правовую позицию по тому или иному вопросу.

⁸ В Италии высшая судебная инстанция (Верховный суд) в области уголовной и гражданской (но не административной) юрисдикции.

⁹ В том же самом смысле, что и в первом цитированном решении, Кассационный суд высказался уже после вступления в силу Кодекса в своем решении от 24.05.2005 № 10920. Впрочем, для судебной практики по административным делам ничтожность в силу ст. 164 даже нельзя уподобить одноименному цивилистическому институту: для Государственного совета (высший административный суд Италии) она является выражением публичного правомочия на принудительное приобретение, подлежащего реализации государством в случае совершения сделок по переносу собственности на предметы искусства, принадлежащие частным лицам (решение 6-го отделения Государственного совета от 30.01.1991 № 58).

— вышеприведенное направление в толковании конструирует ничтожность, предусмотренную Законом 1939 г. (но сейчас то же самое следует сказать и в отношении *Кодекса*), как «относительную ничтожность»¹⁰ — категория, созданная, в сущности, судебной практикой и имеющая свое нормативное основание в ст. 1421 Гражданского кодекса Италии (далее — ГК) (озаглавленной «*Легитимация на иск о ничтожности*»), которая гласит: «Если законом не установлено иное, на ничтожность может ссылаться всякий, имеющий в этом интерес, и она может быть выявлена судьей в силу его должности»;

— таким образом, согласно судебной практике норма ст. 61 Закона 1939 г. (ныне переключавшаяся в аналогичную ст. 164 *Кодекса*), прочитанная в свете всего нормативного контекста, в который она включена, не позволяет всякому, имеющему в том интерес, ссылаться на ничтожность, но ограничивает легитимацию на иск исключительно государством; вследствие этого ничтожность не может быть выявлена также и судьей *ex officio*;

— надо сказать, упомянутая судебная практика не содержит прямых ссылок на ст. 1421 ГК как основание своей аргументации, ибо просто констатирует, что соответствующие законодательные предписания были предусмотрены «в интересах только государства»¹¹; утверждая это, желают, как кажется, также сказать, что выявить иных носителей интереса невозможно никоим образом, пусть даже лишь абстрактно (что, по моему мнению, на поверку не соответствует действительности, как мы это лучше увидим далее); впрочем, мне кажется не подлежащим никакому сомнению, что единственным нормативным обоснованием, которое можно было бы привести в поддержку рассматриваемого судебного толкования, является именно ст. 1421 ГК, так что нормативные механизмы первоначально Закона 1939 г., а ныне *Кодекса* (как уже сказано, в данном вопросе совершенно аналогичные) составили бы в соответствующем их комплексе те «иные установления закона», упомянутые в ст. 1421 ГК, которые позволили бы исключить применение общей нормы о ничтожности.

¹⁰ К понятию относительной ничтожности вернемся ниже.

¹¹ Помимо цитированного выше решения, среди многих других см. решения Кассационного суда от 26.04.1991 № 4559 и (принятое на совместном заседании отделений) от 26.01.1994 № 728 (*Foro italiano*, 1994, I, p. 1053 ss.).

Если это так, то мне думается, что приведенная судебная практика может быть подвергнута критике по меньшей мере в двух аспектах:

— при внимательном прочтении ни ст. 61 Закона 1939 г., ни ст. 164 *Кодекса* не вводили подобного ограничения; последнее не может быть явно (а по моему мнению, даже и имплицитно) выведено также из других норм, содержащихся как в одном, так и в другом законе;

— ст. 1421 ГК устанавливает общее правило о том, что ничтожность может быть выявлена всяким, имеющим в этом интерес (а также судьей *ex officio*), и предусматривает возможность исключений из него, установленных законодательными предписаниями («если законом не установлено иное»); но согласно общему правилу герменевтики нормы, предусматривающие исключения, должны быть определено установлены и толкуются всегда ограничительно (ст. 14 ГК¹²), а в данном случае нет какого-либо ясно выраженного установления по рассматриваемому вопросу.

Поэтому можно, на мой взгляд, сделать вывод, что обсуждаемая ничтожность не составляет исключения из общего правила, имея своим источником законодательно установленную императивную норму (п. 1 ст. 1418 ГК: «*Договор ничтожен, если противоречит императивным нормам, кроме случаев, когда закон устанавливает иное*», но в нашем случае закон как раз **не** устанавливает иного!), с вытекающим отсюда применением в полной мере цитированной ст. 1421 ГК.

Вместе с тем в общем и теоретическом аспекте следует добавить, что понятие относительной ничтожности, к которому обычно прибегают для квалификации недействительности, подобной рассматриваемой здесь, является весьма спорным в доктрине и что дискуссия по данному вопросу все еще остается открытой и неослабевающей. Как уже было сказано, данная категория ничтожности обязана своим существованием, по сути, судебному творчеству. Итальянский Гражданский кодекс не содержит явных указаний на нее, предусматривая в ст. 1418 и последующих статьях просто ничтожность, означающую абсолютную и окончательную неспособность акта с самого начала производить соответствующий

¹² «Уголовные законы и законы, устанавливающие исключения из общих правил или других законов, не применяются за пределами случаев и сроков, в них предусмотренных».

правовой эффект, распространяя активную легитимацию на иск о ничтожности на всякое заинтересованное лицо (если иное не предусмотрено законом), изымая этот иск из-под действия давности, устанавливая возможность выявления ничтожности судьей *ex officio* и недопустимость ее исцеления (также и в этом случае — если иное не предусмотрено законом). Наряду с ничтожностью ГК предусматривает институт оспоримости (ст. 1425 и след.), основными случаями которой являются недееспособность одной из сторон и пороки согласия (ошибка, принуждение, обман). Оспоримость имеет характеристики, отличные от ничтожности, поскольку оспоримый акт является вполне действительным, если только не будет вынесено судебное решение о его аннулировании; о последнем может просить лишь сторона, в интересах которой законом установлена оспоримость, и оно не может быть произведено судьей *ex officio*; иск подвержен действию пятилетней давности; оспоримый акт может быть конвалидирован субъектом, которому принадлежит иск об оспаривании; кроме того, аннулирование не вредит правам, возмездно приобретенным добросовестными третьими лицами (за исключением случая, когда основанием аннулирования служит законная недееспособность стороны).

Однако ст. 1421 ГК, распространяя легитимацию на иск о ничтожности на любое заинтересованное лицо и предусматривая возможность выявления ничтожности судьей *ex officio*, прямо делает исключение для случаев, когда имеются предписания, в которых «законом установлено иное» и которые, следовательно, могут наделять активной исковой легитимацией лишь некоторых субъектов. Опираясь, в сущности, на эту нормативную оговорку, также и некоторые ученые признали понятие относительной ничтожности¹³, и именно это понятие было привлечено, хотя и с некоторыми колебаниями терминологического свойства, для характеристики ничтожности, предусмотренной ст. 164 Кодекса: так, например, А. Гамбаро высказал утверждение, что «по своей букве закон говорит о полной и абсолютной ничтожности, но это эмфатическое выражение... должно пониматься в смысле относительной недействитель-

ности, установленной только в пользу государства...», заключая, что «в связи с возможностью осуществления преимущественного права, речь идет именно о простом отсутствии эффекта и ни о чем ином»¹⁴.

Именно категорию простого отсутствия эффекта подразумевает недавняя интерпретация одного ученого, Ф. Де Мария, исключаящего, как представляется, что предусмотренный ст. 164 Кодекса фактический состав может быть подведен под категорию порочности сделки, и на этом основании, по-видимому, полагающего, что он составляет своего рода самостоятельный *genus*, характеризующийся, в сущности, экспроприативной природой предоставленного государству права: «...договор продажи обремененной (нотификацией. — П.Г.) вещи, заключенный, например, между частными лицами в ущерб установленному в пользу государства преимущественному праву, абстрактно не имеет пороков, так же как не является порочной воля контрагентов, но становится неспособным производить эффект в отношении проигнорированного государства, имеющего право, как прямо предусматривает анализируемая статья (ст. 164 Кодекса. — П. Г.), в любой момент вмешаться в обращение обремененной вещи и сослаться на свое преимущественное право, осуществляя, по сути, экспроприативную власть»¹⁵.

Впрочем, также и эта позиция, по моему мнению, неубедительна. Ибо она не только не учитывает буквальный текст закона, определенно говорящий о «ничтожности», но и преподносит в итоге как само собой разумеющееся (а следовательно, даже не подвергает обсуждению) ограничительное толкование, даваемое рассматриваемой норме судебной практикой, т.е. что законодатель якобы желал закрепить исключительно за государством право ссылаться на недействительность акта, о которой идет речь. Мне думается, что хотя проблема категории недействительности, под которую можно было бы подвести обсуждаемый сложный фактический состав, и интересна с точки зрения абстрактной и теоретической, на самом деле подобный подход малопродуктивен. Ибо, следуя ему, мы уклоняемся от ответа на глубинный вопрос: в самом

¹³ См., напр.: E. Betti, *Teoria generale del negozio giuridico*, II ed., Torino 1960, 482 ss.; R. Sacco, *Contratto*, Torino 1993, 511 ss. В учебной литературе см., напр.: A. Torrente, P. Schlesinger, *Manuale di diritto privato*, 11^a ed., Milano 1981, 260. *Contra*: F. Santoro-Passarelli, *Dottrine generali del diritto civile*, Napoli 1981, 247; C. M. Bianca, *Diritto civile*, III, *Il contratto*, Milano 1984, 577.

¹⁴ A. Gambaro, *Il diritto di proprietà*, in *Trattato di diritto civile e commerciale* [già diretto da A. Cicu e F. Messineo], v. VIII, 2, Milano 1995, 449 n. 117.

¹⁵ F. De Maria, in AA. VV., *Il Codice dei beni culturali e del paesaggio*, a cura di M. Cammelli, Bologna 2007, p. 681.

ли деле законодатель (в 1939, но также и в 2004 г.) желал закрепить право на иск об оспариваемой здесь ничтожности исключительно за государством? В самом ли деле нет иных, помимо государства, лиц, «заинтересованных» в соблюдении ограничительных норм, установленных *Кодексом* (а до этого Законом 1939 г.)? И, как следствие, в самом ли деле нет иных, помимо государства, субъектов, уполномоченных ссылаться на ничтожность актов, совершенных без соблюдения таких норм?

3. Предписание о ничтожности *ex st. 164 Кодекса* и нормативный контекст, в котором оно действует

Чтобы попытаться ответить на эти вопросы, необходимо внимательно проанализировать контекст включения в *Кодекс* рассматриваемой нормы о ничтожности. В отличие от Закона 1939 г., где клаузула ничтожности относилась к содержащимся во всем этом Законе мерам в целом, в *Кодексе* она установлена уже цитированной ст. 164 для нарушений запретов, содержащихся в положениях титула I второй части *Кодекса*: «*Отчуждения, соглашения и вообще юридические акты, совершенные в нарушение запретов, установленных положениями Титула I Второй части, или без соблюдения предписанных ими условий и форм, ничтожны*». Такое ограничение видится совершенно резонным, поскольку *Кодекс*, по сравнению со старым Законом 1939 г., имеет гораздо более разнообразное и пространное содержание. Действительно, первый титул второй части *Кодекса* посвящен, как указано в его заголовке, «охране» культурных ценностей. В нем, таким образом, находятся предписания, устанавливающие в отношении культурных ценностей — обратим внимание: независимо от их принадлежности частным лицам или публичным образованиям — различные пределы и ограничения в первую очередь с целью защитить их целостность и сохранность. Чтобы лучше понять механизм рассматриваемой ничтожности, целесообразно упомянуть, хотя бы очень кратко и обобщенно, вышеупомянутые предписания.

Рассматриваемый титул начинается со ст. 10, определяющей и подробно перечисляющей культурные ценности, выступающие объектом охраны. Объем понятия культурной ценности является, действительно, значительным. Под культурными ценностями понимаются движимые и недвижимые вещи, представляющие даже

минимальный художественный, исторический, археологический или этноантропологический интерес (включая музейные коллекции, архивы, отдельные документы, библиотеки), принадлежащие государству и всем публичным учреждениям и институтам, как входящим в систему территориальных органов, так и нет, а также частным юридическим лицам, не преследующим цели извлечения прибыли¹⁶, включая признанные государством церковные учреждения¹⁷.

В том, что касается культурных ценностей, принадлежащих частным лицам, то законом принимаются во внимание (и, следовательно, подпадают под ограничительный и охранительный режим, который мы вскоре рассмотрим) прежде всего «*недвижимые и движимые вещи, представляющие особо значимый художественный, исторический, археологический или этноантропологический интерес*» (подп. «а» п. 3 ст. 10 *Кодекса*), а также все другие разнообразные вещи, перечисленные в той же ст. 10 *Кодекса*, но лишь в случае, «*когда имела место декларация, предусмотренная ст. 13*». Такая декларация, которую в доктрине и на практике также именуют «нотификацией» (см. выше), состоит в установлении наличия интереса, требуемого п. 3 ст. 10 *Кодекса*, который варьируется в отношении вещей, принадлежащих частным лицам, от «*особо значимого интереса*» для движимых и недвижимых вещей, взятых вообще, до «*особо значимого исторического интереса*» (для архивов или отдельных документов) или до «*исключительного культурного интереса*» (для книжных коллекций). Рассматриваемое установление наличия интереса (несомненно, зависящее и от дискреционных критериев) возлагается на «*компетентные органы Министерства*¹⁸ *ex officio или по требованию, заявленному субъектами, которым дан-*

¹⁶ Под частными юридическими лицами, не преследующими цели получения прибыли, понимаются главным образом так называемые банковские фонды — благотворительные учреждения, имеющие целью безвозвездное предоставление средств для поддержки социальных и культурных инициатив, зачастую унаследовавшие имущество, нередко солидное, включающее предметы искусства и ранее принадлежавшее банкам, правопреемниками которых они являются.

¹⁷ В круг признанных государством церковных учреждений входит прежде всего Римско-католическая церковь в ее различных проявлениях, а также и организации, относящиеся к некатолическим религиозным культурам, — от итальянских протестантских церквей до еврейских общин, с которыми государство заключило специальные соглашения.

¹⁸ Как правило, на Инспекции, подчиняющиеся Министерству культурных ценностей и обладающие компетенцией на местном уровне.

ные вещи принадлежат»; следовательно, Инспекции *ex officio* или по требованию субъектов, которым принадлежат данные вещи, «проверяют наличие художественного, исторического, археологического или этноантропологического интереса... на основе направлений общего характера, установленных этим Министерством с целью обеспечения единообразия оценки» (п. 2 ст. 12 Кодекса). Кодекс предусматривает достаточно сложные правила процедуры такой проверки, осуществляемой в рамках административного судопроизводства, в судебном споре с собственником, который может и воспротивиться мнению Министерства (ст. 14–16 Кодекса). После того как процедура установления завершена с положительным результатом, соответствующая вещь становится, как обычно говорят на практике, «нотифицированной» и тем самым подпадающей под все меры охраны, предусмотренные Кодексом, включая норму, предоставляющую государству преимущественное право на случай отчуждения такой вещи¹⁹, ранее предусмотренную в Законе 1939 г. и сохраненную в Кодексе. Впрочем, ограничительный и охранительный режим для принадлежащих частным лицам культурных ценностей не исчерпывается установлением преимущественного права. Кодекс среди прочего, предусматривает:

- надзорные и инспекционные полномочия Министерства (ст. 18 и 19 Кодекса), имеющие целью, в частности, «установление существования и состояния сохранности или охраны культурных ценностей» (п. 1 ст. 19);
- серию защитных мер (ст. 20 и след. Кодекса), включающих запрет не только разрушения или повреждения вещи, но также и ее назначения к использованию, несовместимому с ее историческим или художественным характером или угрожающему ее сохранности (ст. 20 Кодекса);
- получение разрешений на принятие мер по рестав-

рации вещи и контроль за их проведением (ст. 29 Кодекса);

- обязанность частных лиц гарантировать сохранность вещи (п. 3 ст. 30 Кодекса) с несением обусловленных этим очевидных расходов;
- обязанность за собственный счет производить расходы на предохранительные и реставрационные работы, в случае если это прямо предписано Министерством (ст. 32 Кодекса);
- необходимость получать разрешение Министерства при намерении показа вещи на выставках и экспозициях (что относится, разумеется, лишь к движимым вещам), а кроме того, обязанность за собственный счет заключить соответствующий договор страхования для покрытия относящихся к этому рисков (ст. 48 Кодекса);
- запрет окончательного вывоза с территории государства движимых культурных ценностей, указанных в п. 1, 2 и 3 ст. 10, следовательно, принадлежащих также и частным лицам (ст. 65 Кодекса)²⁰;

- необходимость получать особое разрешение на вывоз — как окончательный, так и временный — культурных ценностей с территории государства (ст. 66, 67 и 71 Кодекса);
- право Министерства осуществлять принудительное приобретение культурной ценности, в отношении которой собственник испрашивает свидетельство о свободном обращении (ст. 68 Кодекса) для ее вывоза за границу (ст. 70 Кодекса).

4. Заинтересованные субъекты

4.1. В только что приведенном перечне я перечислил лишь в общих чертах, в том числе для экономии места, основные ограничения, установленные для

¹⁹ Следует уточнить, что ст. 12 Кодекса в п. 1 предписывает посредством туциористской (т.е. предусмотренной «на всякий случай», но по существу излишней. — Прим. пер.) нормы, что в любом случае подчинены ограничительным предписаниям вещи, «являющиеся произведениями более не живущего автора, с момента создания которых прошло более пятидесяти лет, если они движимые, или более семидесяти лет, если недвижимые... до тех пор, пока не будет произведена проверка»; поэтому в случае если проверка имеет негативный результат, такие вещи, если они принадлежат частным лицам, являются предметом свободного распоряжения и на них не распространяется преимущественное право.

²⁰ Заметим, что подп. «а» п. 3 ст. 65 Кодекса в любом случае требует разрешения на окончательный вывоз с территории государства принадлежащих частным лицам движимых вещей, представляющих даже минимальный культурный интерес и не явившихся поэтому объектом специальной нотификации (которая распространяется, как помним, лишь на вещи, представляющие особо значимый культурный интерес).

частной собственности на культурные ценности. Еще более многочисленны ограничения, предусмотренные для публичных культурных ценностей, принадлежащих государству, территориальным образованиям, вообще публичным институтам и учреждениям или также частным юридическим лицам, не преследующим цели извлечения прибыли, и церковным учреждениям. Напомню в связи с этим лишь о весьма сложных процедурах, предусмотренных для случаев, когда указанные образования, включая государство, решают произвести отчуждение культурной ценности в тех очень узких пределах, в которых такое отчуждение вообще допускается. Точно так же и возможные юридические акты, имеющие предметом публичные культурные ценности (заметим: не только направленные на их отчуждение), если они совершены в нарушение запретов, предусмотренных ограничительными или охранительными нормами, или без соблюдения предписанных ими условий и форм, являются ничтожными на основании ст. 164 *Кодекса*. Не желая слишком углубляться в эту тему, мне представляется важным заметить, что образования, охватываемые данной нормой, весьма разнообразны и включают наряду с государством и иными публичными образованиями, ему подчиненными, все территориальные образования (области, провинции, коммуны, столичные города), пользующиеся административной автономией, иногда на конституционном уровне (области). Однако в особенности территориальные образования (хотя, по-видимому, данное суждение может быть распространено также на церковные учреждения и частные юридические лица, не преследующие цели получения прибыли), имеют совершенно определенную значимость для территорий и связь с ними: они управляют территориями и представляют их, в частности, в сфере охраны, использования и валоризации культурных ценностей, находящихся в их пределах. Это, между прочим, прямо признано разными способами в самом *Кодексе*²¹. Если это так, то мне думается, что также и за ними следует признать явный и весьма конкретный интерес в охране местного культурного наследия с тем последствием, что за ними должно быть равным образом признано и право активно действовать в сфере культурных ценностей, даже тогда, когда эти ценности юридически не являются их собственностью, а принадлежат, например, государству или иным публичным образова-

ниям, но, как бы то ни было, находятся на их территории. По сути, если такой интерес имеется, то из этого следует, что данные образования точно так же управомочены в соответствии со ст. 164 *Кодекса* ссылаться, в случае необходимости, на ничтожность отчуждений, соглашений и вообще юридических актов по поводу культурных ценностей, если они совершены в нарушение запретов, установленных *ex parte qua* *Кодексом*, или без соблюдения предписанных условий и форм.

Как видим, в перспективе, вырисовывающейся при общем учете норм *Кодекса* и рассмотрении его ст. 164 в контексте положения отличных от государства публичных образований, догма относительной ничтожности, якобы установленной исключительно в интересах государства, кажется преодоленной. Теперь речь идет о том, чтобы оценить, можно ли прийти к тем же выводам также и применительно к положению частных лиц.

4.2. При рассмотрении данного вопроса следует отправиться от одного предварительного замечания: ст. 164 *Кодекса* не различает недвижимые и движимые культурные ценности. Тем не менее — и прежде всего в том, что относится к частным лицам, — комплексы возможных проблем, касающихся тех и других, существенно различаются, и, по моему мнению, их нужно соответствующим образом разграничивать также (если не в первую очередь) и в плане применения той же ст. 164 *Кодекса*.

Начнем с недвижимых вещей. Здесь важно напомнить, что согласно п. 2 ст. 15 *Кодекса* в случае, когда «*речь идет о вещах, подпадающих под установленный для недвижимостей или движимостей²² режим публичности, принятие декларации по требованию руководителя инспекции заносится в соответствующие реестры и действует в отношении любого последующего собственника, владельца или держателя по любому основанию*». Под «принятием декларации» понимается, естественно, мера, посредством которой Инспекция декларирует, что та или иная вещь представляет художественный, исторический, археологический или этноантропологический интерес (в той степени, в какой это каждый раз требуется в зависимости от рода вещи и от того, идет ли речь о вещи, находящейся в публичной или частной собственности: см. приведенную выше ст. 10 *Кодекса*) и что на нее, следовательно, окончательно распростра-

²¹ Пункт 1 ст. 5 *Кодекса*, например, говорит в связи с этим о взаимодействии областей и иных территориальных публичных образований с Министерством «*в выполнении функций охраны*».

²² Например, для автотранспортных средств или лодок.

нен установленный *Кодексом* режим ограничительных и защитных мер.

Однако внесение вышеназванной декларации в реестры недвижимого имущества имеет своим последствием также придание ей публичности, так что третьи приобретатели формально являются осведомленными о статусе вещи и вытекающих из него ограничениях. Надо сказать, что рыночная стоимость, особенно недвижимого имущества, имеющего значительное художественно-историческое значение, от принятия декларации не снижается: престиж и красота подобных зданий таковы, что перевешивают объективные препятствия к пользованию, обслуживанию, самой коммерциализации имущества, к которым оно приводит. В то же время рынок такой частной недвижимости является по большей части ограниченным и элитарным, поскольку ее рыночная цена почти всегда очень высока.

Как бы то ни было, декларация влечет за собой, как было сказано, ряд ограничений. Изложу основные из них:

— запрещено предназначать соответствующие вещи к использованию, несовместимому с их историческим или художественным характером или угрожающему их сохранности (п. 1 ст. 20 *Кодекса*);

— требуется разрешение на снос вещей, представляющих культурные ценности, даже с последующей их реконструкцией (подп. «а» п. 1 ст. 21 *Кодекса*);

— точно так же требуется разрешение на выполнение деятельности или работ любого рода на относящихся к культурным ценностям объектах (в частности, реставрация и другие предохранительные работы: ст. 31 *Кодекса*), равно как и должно быть сообщено руководителю Инспекции изменение в назначении их использования (п. 4 ст. 21 *Кодекса*) в целях контроля совместимости, требуемой п. 1 цитированной ст. 20;

— установлена подробная регламентация разрешительной процедуры для строительных работ (ст. 22 и след. *Кодекса*);

— предусматривается, что обслуживание и реставрация «поверхностей, декорированных архитектурными ценностями» (по сути, речь идет о фресках), могут произво-

диться только «теми, кто являются реставраторами согласно нормам в данной области» (п. 6 ст. 29 *Кодекса*);

— Министерством на собственника, владельца или держателя может быть возложено проведение работ, необходимых для сохранения вещи (ст. 22 и след. *Кодекса*).

Из этого, пусть и неполного, перечня с достаточной очевидностью, на мой взгляд, явствует, сколь многочисленны юридические акты (например, договоры), имеющие своим предметом недвижимые культурные ценности, которые подпадают под установленный *Кодексом* разрешительный режим и вытекающие из него процедуры, подлежащие соблюдению перед компетентными административными органами. Итак, подобные юридические акты ничтожны (в силу ст. 164 *Кодекса*), если не были испрошены и получены соответствующие разрешения или же, во всяком случае, не были выполнены предусмотренные в них условия. Кроме того, если, несмотря на ничтожность таких актов, в отношении вещи были произведены несанкционированные работы, то могут наступать правовые последствия в виде применения административных мер, например выдачи предписания о восстановлении первоначального состояния вещи или, если такое восстановление невозможно, уплаты государству денежной суммы, равной стоимости утраченной вещи или снижению ее стоимости (ст. 160 *Кодекса*).

Учитывая сказанное, трудно, как мне кажется, не признать, что собственник тоже имеет определенный и документально подтверждаемый интерес в том, чтобы ссылаться на ничтожность несанкционированного юридического акта / договора, дабы предупредить более обременительные (поскольку запоздалые) меры вмешательства со стороны Инспекции. Представим себе случай, когда добросовестный приобретатель имеет дело с изменением назначения использования, несовместимым с художественным характером здания (например, паладианская вилла преобразуется в супермаркет), которое ранее его правопредшественник неформально разрешил арендатору без уведомления руководителя Инспекции. Или другой пример: договор подряда на эксплуатацию и реставрацию здания, заключенный предшествующим собственником без получения соответствующих разрешений. Или договоры на текущий ремонт, заключенные арендатором или держателем (например, узупфруктуариум) без получения необходимых разрешений. В самом деле, работы такого рода могли бы причинить вещи вред, в том числе серьезный, с вытекающими

ми из этого убытками для собственника, независимо от того, возможно ли — и предписано ли — восстановление вещи в первоначальное состояние (которое, впрочем, должно обременять нарушителя, в последнем приведенном примере не являющегося собственником). Мне трудно понять, почему собственник в этих, равно как и в других, случаях не может предъявить иск, так сказать, «в превентивном порядке», ссылаясь на ничтожность *ex st.* 164 *Кодекса*, дабы избежать возможных рисков и убытков, которые возникнут вследствие последующего (и, быть может, запоздалого) вмешательства компетентных административных органов. Полагаю, что интерес частного лица — а не только государства — здесь очевиден и что совершенно нелогично и неоправданно его исключать, основываясь на предполагаемом (но, как мы видели, несуществующем) «предписании закона», которое якобы ограничивает легитимацию на иск в таких случаях одним только государством.

Таким же образом, думается, можно рассуждать и в случаях, когда охраняемое имущество является движимым. В связи с этим следует, впрочем, заметить, что в Италии рынок художественных и вообще культурных ценностей значительно обусловлен тем, является ли произведение искусства нотифицированным или нет: нотификация, т.е., согласно ст. 13 *Кодекса*²³, «декларация о культурном интересе», представляемом вещью, приводит, как правило, к снижению ее ценности, прежде всего вследствие:

— уже упомянутого преимущественного права, установленного в пользу государства для случаев возмездного отчуждения произведения;

— запрета на «окончательный вывоз» произведения, даже находящегося в частной собственности, с национальной территории (ст. 65 и след. *Кодекса*).

Это последнее ограничение, установленное с целью воспрепятствовать утрате страной значимых произведений, что, к сожалению, в прошлом нередко имело место, фактически препятствует предложению нотифицированных произведений искусства на международных рынках,

²³ Следует уточнить, что не могут быть предметом нотификации произведения живущего автора или хотя бы и уже не живущего автора, но созданные не более пятидесяти лет назад (п. 3 ст. 10 и п. 1 ст. 12 *Кодекса*), так что такие произведения могут свободно поступать на рынок, в том числе иностранный.

особенно в Великобритании или США, на которых, как правило, предлагаются более высокие по сравнению с внутренним итальянским рынком цены. Ясно, что цель охраны итальянского культурного наследия в его целостности, в том числе исторической, оправдывает меры, столь ограничивающие частную собственность и имеющие столь сильное влияние на возможность имущественно-юридического распоряжения вещью. Уже само преимущественное право, признанное *ex lege* за государством, делает более затруднительным обращение произведений искусства среди частных лиц, не говоря об иных многочисленных обязанностях, возложенных на собственника/держателя (таких как обязанность сообщать даже о простом перемещении произведения с одного адреса на другой, обязанность испрашивать разрешения на участие в выставках, на производство реставрационных работ и т.д.). Право собственности на произведения искусства тем самым оказывается наиболее «сжатым», что в значительной мере отражается на обороте движимых культурных ценностей и на их рынке (если и поскольку они, как уже сказано, нотифицированы).

Принимая во внимание сказанное, именно ввиду императивности всех вышеупомянутых ограничительных норм было бы резонным признать за частным собственником вещи (однако в зависимости от конкретных ситуаций это, очевидно, распространяется также и на владельца или простого держателя) интерес в судебном установлении ничтожности юридических актов по поводу этой вещи. Представим себе добросовестного приобретателя, имеющего серьезные сомнения относительно точного соблюдения процедур по извещению Инспекции о договоре, посредством которого он приобрел произведение: иск о ничтожности не подлежит давности (ст. 1422 ГК), а значит, государство могло бы предъявить его даже годы спустя после состоявшейся неправомерной передачи; вместе с тем устойчивая судебная практика стоит на той позиции, что, учитывая особую цель рассматриваемой санкции ничтожности, в пользу приобретателя, ставшего владельцем вещи, не действует приобретательная давность²⁴. Легко можно понять, какой ущерб может понести данный субъект, если органы государственной власти спустя годы предъявят иск о ничтожности, претендуя на осуществление преимущественного права: цена вещи

²⁴ В этом смысле см., напр.: решения 6-го отделения Государственного совета от 23.02.1982 № 129 и от 30.01.1991 № 58, а также 2-го отделения областного административного суда Лацио от 26.01.1990 № 224.

оставалась бы все той же, что изначально согласовали стороны договора, и возражение о том, что с истечением времени в новых рыночных условиях ценность произведения ощутимо увеличилась, не имело бы никакого значения. Точно так же мне видится, что имеется интерес наследника в судебном установлении эвентуальной ничтожности юридических актов по распоряжению произведением, совершенных наследодателем. Обратим между прочим внимание, что такие акты могут состоять не только в отчуждении произведения, но и в его сдаче внаем или в ссуду, что устраняет наследника от пользования им на более или менее длительный период или в любом случае существенно затрудняет его отчуждение в течение всего этого периода.

Прекрасным примером негибкости итальянской судебной практики при толковании норм о праве преимущественного приобретения является одно в свое время достаточно нашумевшее судебное дело. Предметом спора явилась картина Ван Гога «Садовник», находившаяся в собственности одного итальянского гражданина, который продал ее гражданину Швейцарии (по имени приобретателя этот процесс называют «дело *Beyeler*'а»), не сделав должным образом заявления о произведенном отчуждении (в заявлении были, собственно, опущены данные о приобретателе). Сначала Инспекция объявила о своей незаинтересованности в осуществлении преимущественного права, однако в то же время запретила перемещение картины за границу. Спустя более десяти лет после первого отчуждения она предприняла шаги по реализации преимущественного права, утверждая, что первоначальное заявление не отвечало установленным требованиям, а значит, было недействительным; тем временем ценность картины значительно возросла. Так началась судебная тяжба, первая фаза которой завершилась решением Государственного совета (6-е отделение) от 30.01.1991 № 58, согласно которому «в случае отсутствия заявления (к чему приравнивается неполное заявление. — П.Г.) о сделке, переносящей право собственности на вещь, подчиненную режиму художественно-исторического обременения, административные органы имеют возможность в любое время осуществить преимущественное право приобретения, учитывая наличие объективного условия абсолютной недействительности сделки вследствие отсутствия ее нотификации, даже по прошествии многих лет и при весьма изменившихся рыночных условиях». Таким образом Государственный совет подтвердил полную правомерность преимущественного приобретения, осу-

ществляемого в данном случае на основании утверждения о недействительности (т.е. ничтожности *ex lege*) первоначально заключенного договора об отчуждении.

Затем по данному вопросу был призван высказаться также Конституционный суд (решение от 20.06.1995 № 269), который, полностью подтверждая конституционность законодательства, действовавшего тогда в области преимущественного права на художественные ценности (ст. 31, 32 и 61 Закона 1939 г.), уточнил в числе прочего, что нельзя усматривать какое-либо нарушение конституционных принципов в том, что уплате подлежит цена, согласованная в момент первоначального отчуждения, а не соответствующая стоимости вещи в момент осуществления преимущественного права приобретения: возможные происходящие из этого убытки контрагентов являются, по мнению Конституционного суда, прямым следствием нарушения своих обязанностей самими контрагентами, выразившегося в непредставлении отвечающего всем требованиям заявления. Конституционный суд уточнил в связи с этим, что «*риски, которые вследствие отсутствия заявления или его несоответствия установленным требованиям... могут возлагаться в целях сохранения вещи в составе национального культурного наследия, оправдывают, с другой стороны, особую строгость рассматриваемого регулирования: строгость, ведущую к применению санкций за неисполнение частным лицом обязанностей на уровне не только уголовно-правовых норм (ст. 63), но также и норм цивилистического характера, путем предписания о (неизбежной) ничтожности отчуждательного акта, совершенного в нарушение положений относительно заявления (п. 1 ст. 61), и о (эвентуальном) преимущественном приобретении вещи, хотя бы и при ничтожности сделки*».

Эта судебная баталия окончательно завершилась в Европейском суде по правам человека, куда обратился *Beyeler*, вынесением 5 января 2000 г. решения не о возвращении картины, которая уже была окончательно приобретена итальянским государством, а о присуждении нашей страны к уплате значительного возмещения, что было мотивировано — как мне кажется, весьма показательно — тем, что осуществление преимущественного права приобретения по первоначально согласованной цене явилось вмешательством в право заявителя на уважение его имущества²⁵, ибо при этом не был обе-

²⁵ Имеется в виду, по-видимому, право на «целостность» имущества: осуществление государством преимущественного

спечен «справедливый баланс» между потребностями в общем интересе всего социума и императивом охраны основных прав отдельных лиц.

Только что приведенный пример подтверждает, на мой взгляд, прежде всего то обстоятельство, что сомнения относительно справедливости итальянского законодательства в интерпретации, даваемой ему судебной практикой, отнюдь не беспочвенны. Сам Европейский суд по правам человека, как мы видели, указал это в вышеупомянутом решении. Сказанное еще более усиливает убеждение в том, что у приобретателя определенно имеется конкретный интерес в судебном установлении ничтожности (или же полной правомерности) отчуждения, дабы избежать претерпевания всегда возможной инициативы государственных органов с рассмотренными выше негативными последствиями, обусловленными, как бы то ни было, в том числе и, возможно, повышенной затруднительностью обратного взыскания уплаченной цены. Признание возможности предъявления иска о ничтожности также сторонами, а не только государством помимо того, что полностью соответствует букве и духу закона, способствует устранению явной, по моему мнению, натяжки в его толковании и приведению практики применения ст. 164 Кодекса в соответствие с критериями разумности и справедливости, представляя тем самым то достоинство, что в известных пределах делает рынок произведений искусства более прозрачным и привлекательным. Этот результат, пусть и несенсационный, мне кажется в любом случае довольно значимым, если учитывать, что решение вопроса об использовании подобного судебного инструмента исключительно по усмотрению органов государственной власти делает рынок произведений искусства еще более рискованным и ненадежным, чем он и так уже является по своей природе.

При этом мне думается, что не следует априори демонизировать и осуждать свободный рынок старинных произведений искусства. Современное государство вполне в состоянии охранять национальное культурное наследие, в том числе находящееся в руках частных лиц, и без того, чтобы подвергать чрезмерным

и неразумным ограничениям рынок и прежде всего правовую сферу лица, которое вследствие своих культурных пристрастий или семейного положения является собственником нотифицированной культурной ценности: истолкование нормы о ничтожности наиболее благоприятным для него образом помимо того, что полностью соответствует — как уже неоднократно говорилось — букве и духу закона, в наименьшей степени ограничивает его правовую сферу (его права собственника/владельца/держателя). На его положение нужно смотреть не с подозрительностью или даже раздражением, а просто как на один из аспектов сложного итальянского мира культуры, в его исторических наслоениях и в его постоянной актуальности: охранительные меры и ограничения, конечно же, необходимы, но они не должны выливаться для частного лица в неразумные бюрократические процедуры карательного типа.

References

- Barbati C., Cammelli M., Sciuolo G. (a cura di). *Diritto e gestione dei beni culturali*. Bologna, 2011.
- Bartolini A. “Beni culturali (diritto amministrativo)”, *Enciclopedia del diritto — Annali*. Vol. VI. Milano, 2013.
- Cammelli M. (a cura di). *Il Codice dei beni culturali e del paesaggio. Commento al decreto legislativo 22 gennaio 2004 n. 42 e successive modifiche*. Bologna, 2007.
- Crosetti A., Vaiano D. *Beni culturali e paesaggistici*. IV ed. Torino, 2014.
- Ferretti A. *Manuale di diritto dei beni culturali e del paesaggio*. VI ed. Napoli, 2013.
- Vaiano D. *La valorizzazione dei beni culturali*. Torino, 2011.

Information about the author

Paolo Garbarino

Professor at the University of Eastern Piedmont Amedeo Avogadro (Vercelli, Italy) (Università del Piemonte Orientale, Dipartimento di Studi Umanistici, Via Galileo Ferraris 116 — 13100 Vercelli (Italia)).

права приобретения по прошествии значительного времени само по себе правомерно, однако оно не может обраться в вред для собственника, выражающимся в ущербе его имуществу без соответствующего адекватного возмещения.